

Книги, книги, книги... Я читаю, нахожу, теряю, опять нахожу и снова теряю. Наконец в моем уме формируется некое целое. Я вижу непрерывность линии мысли и знания; она тянется из века в век, из эпохи в эпоху, из одной страны в другую, из одной расы в другую. Эта линия скрыта глубоко под слоями религии и философских систем, которые представляют собой лишь искажения и лжетолкования идей, принадлежащих основной линии. Я обнаруживаю обширную и исполненную глубокого смысла литературу, которая до недавних пор была мне совершенно незнакомой, а сейчас становится понятной, питает известную нам философию, хотя сама в учебниках по истории философии почти не упоминается. И теперь я удивляюсь тому, что не знал ее раньше, что так мало людей слышали о ней. Кто знает, например, что простая колода карт содержит в себе глубокую и гармоничную философскую систему? Ее так основательно забыли, что она кажется почти новой.

Я решаюсь написать книгу, рассказать обо всем, что нашел. Вместе с тем я вижу, что вполне возможно согласовать идеи этого сокровенного знания с данными точной науки; и мне становится понятным, что «четвертое измерение» и есть тот мост, который связывает старое и новое знания. Я нахожу идеи четвер-

того измерения в древней символике, в картах Таро, в образах индийских божеств, в ветвях дерева, в линиях человеческого тела.

И вот я собираю материал, подбираю цитаты, формулирую выводы, надеясь показать очевидную мне теперь внутреннюю связь между методами мышления, которые обычно кажутся обособленными и независимыми. Но в самый разгар работы, когда все уже готово и приняло определенную форму, я внезапно чувствую, как мне в душу заползает холодок сомнения и усталости. Ну хорошо, будет написана еще одна книга. Но уже сейчас, когда я только принимаюсь за нее, я заранее знаю, чем кончится дело. Я угадываю границу, за пределы которой выйти невозможно. Работа моя стоит; я не могу заставить себя писать о безграничности познания, когда вижу уже его пределы. Старые методы не годятся, необходимы какие-то другие. Люди, рассчитывающие достичь чего-то своими собственными способами, так же слепы, как и те, кто вообще не подозревает о возможностях нового знания.

Работа над книгой заброшена. Проходят месяцы, я с головой окунулся в необычные эксперименты, которые выводят меня далеко за пределы познаваемого и возможного.

Устрашающее и захватывающее чувство! Все становится живым! Нет ничего мертвого, нет ничего неодушевленного. Я улавливаю удары пульса жизни. Я «вижу» Бесконечность. Затем все исчезает. Но всякий раз после этого я говорю себе, что это было; а значит, существуют явления, отличные от обычных. В памяти остается совсем немного; я так смутно припоминаю свои переживания, что могу пересказать лишь

крохотную часть того, что со мной происходило. К тому же я не способен ничего контролировать, ничего направлять. Иногда «это» приходит, иногда нет; иногда возникает только чувство ужаса, иногда же — ослепительный свет. Порой в памяти остается самая малость, а то и вовсе ничего. Временами многое становится мне понятно, открываются новые горизонты; но длится это всего лишь мгновение. И мгновения эти оказываются столь краткими, что никогда нельзя быть уверенным в том, что я нечто увидел. Свет вспыхивает и гаснет, прежде чем я успеваю рассказать себе, что я видел. С каждым днем, с каждым разом пробудить этот свет становится все труднее. Нередко мне кажется, что уже первый опыт дал мне все, а последующие опыты были лишь повторением одних и тех же явлений в моем сознании, лишь повторением. Я понимаю, что это не так, что всякий раз я приобретаю что-то новое, но от этой мысли очень трудно избавиться. Она усугубляет то ощущение беспомощности, которое возникает у меня словно при виде стены: через нее можно бросить беглый взгляд, но настолько кратковременный, что я не в состоянии даже осознать то, что вижу. Дальнейшие эксперименты лишь подчеркивают мою неспособность овладеть тайной. Мысль не может ухватить и передать то, что порой ясно угадывается, ибо она слишком медленна, слишком коротка. Нет слов, нет форм, чтобы передать то, что мы видим и сознаем в такие мгновения. Задержать их, приостановить, удлинить, подчинить воле — невозможно. Мы не способны припомнить найденное и впоследствии пересказать его. Все исчезает, как исчезают сны. Быть может, и сами эти переживания — не более чем сон.

И все-таки это не так. Я знаю, что это не сон. Во всех моих экспериментах и переживаниях есть привкус реальности, который невозможно подделать; здесь ошибиться нельзя. Я знаю, что все это есть, я в этом убедился. Единство существует. Я знаю, что оно упорядоченно, бесконечно, обладает одушевленностью и сознанием. Но как связать «то, что вверху», с «тем, что внизу»?

Я понимаю, что необходим какой-то метод. Должно существовать нечто такое, что человек обязан знать прежде, чем начинать опыты. Все чаще и чаще я думаю, что такой метод могут дать мне восточные школы йогинов и суфиев, о которых я читал и слышал, если такие школы вообще существуют, если туда можно проникнуть. Моя мысль сосредоточена на этом. Вопрос школы и метода приобретает для меня первостепенное значение, хотя сама идея школы еще не совсем ясна и связана со слишком многими фантазиями и очень сомнительными теориями. Но одно мне очевидно: в одиночку я не смогу сделать ничего.

И вот я решаюсь отправиться в далекое путешествие, на поиски этих школ или людей, которые могли бы указать мне путь к ним.

Мой путь лежит на Восток. Предыдущие путешествия убедили меня в том, что на Востоке до сих пор остается много такого, чего в Европе давно не существует. Вместе с тем у меня вовсе не было уверенности, что я найду именно то, что хочу найти. Более того, я не мог с уверенностью сказать, что именно мне нужно искать. Вопрос о школах (я имею в виду эзотерические, или оккультные, школы) по-прежнему

оставался неясным. Я не сомневался, что эти школы существуют, но не мог сказать, насколько необходимо их физическое существование на земле. Иногда мне казалось, что подлинные школы могут существовать только на другом плане, что мы способны приблизиться к ним только в особых состояниях сознания, не меняя при этом места и условий нашего существования. В таком случае мое путешествие оказывалось бесцельным. Однако мне казалось, что на Востоке могли сохраниться традиционные методы приближения к эзотеризму.

Вопрос о школах совпадал для меня с вопросом об эзотерической преемственности. Иногда я допускал непрерывную историческую преемственность; в другое же время мне казалось, что возможна только «мистическая» преемственность, линия которой на земле обрывается и исчезает из нашего зрения. Остаются лишь ее следы: произведения искусства, литературные памятники, мифы, религии. Возможно, лишь через продолжительное время те же самые причины, которые породили когда-то эзотерическую мысль, снова начинают работу — и возобновляется процесс собирания знаний, создаются школы, а древнее учение выступает из своих скрытых форм. В этом случае в промежуточный период может не быть полных или правильно организованных школ, а разве что подражательные школы или школы, хранящие букву древнего закона в окаменевших формах.

Однако это не отталкивало меня; я был готов принять все, что надеялся найти.

Имелся еще один вопрос, который занимал меня до путешествия и в его начале.

Можно ли пытаться делать что-то здесь и сейчас, с явно недостаточным знанием методов, путей и возможных результатов?

Задавая себе этот вопрос, я имел в виду разнообразные методики дыхания, диеты, поста, упражнений на внимание и воображение, прежде всего методы преодоления себя в минуты пассивности или лени.

В ответ на этот вопрос внутри меня раздавались два голоса.

— Не важно, что делать, — говорил один из них, — важно хотя бы что-то делать. Не следует сидеть и ждать, пока что-то само придет к тебе.

— Все дело как раз в том, чтобы воздержаться от действий, — возражал другой голос, — пока не узнаешь наверняка и с определенностью, что именно нужно делать для достижения поставленной цели. Если начинать что-то, не зная точно, что необходимо для достижения поставленной цели, знание никогда не придет. Результатом будет «работа над собой» различных оккультных и теософских книжек, то есть самообман.

Прислушиваясь к этим двум голосам во мне, я не мог решить, какой из них прав.

Пытаться или ждать? Я понимал, что во многих случаях пытаться бесполезно. Как можно пытаться написать картину? Или читать по-китайски? Сначала надо учиться, чтобы уметь что-то сделать. Я сознавал, что в этих доводах немало желания избежать трудностей или, по крайней мере, отсрочить их, но боязнь любительских попыток «работы над собой» перевесила все остальное. Я заявил себе, что в том направлении, в котором я хочу идти, двигаться вслепую невоз-

можно. К тому же я вовсе не хотел каких-либо изменений в самом себе. Я отправлялся в поиски; и если бы среди этого поиска я стал меняться, я бы, пожалуй, от него отказался. Тогда я думал, что именно это часто происходит с людьми на пути «окультурных» исканий: они испытывают на себе разные методы, вкладывают в свои попытки много ожиданий, труда, усилий, но в конце концов принимают свои субъективные старания за результат поиска. Я хотел любой ценой избежать этого.

Но с первых же месяцев моего путешествия стала вырисовываться и совершенно новая, почти неожиданная цель.

Чуть ли не во всех местах, куда я приезжал, и даже во время самих поездок я встретил немало людей, которые интересовались теми же самыми идеями, что и я, которые говорили на том же языке, что и я, и с которыми у меня немедленно устанавливалось полное и отчетливое взаимопонимание.

Конечно, в то время я не мог сказать, как велико это взаимопонимание и далеко ли оно зашло, но в тех условиях и с тем идейным материалом, которым я располагал, тогда даже оно казалось почти чудесным. Некоторые из этих людей знали друг друга, некоторые — нет; я чувствовал, что устанавливаю между ними связь, как бы протягиваю нить, которая, по первоначальному замыслу моего путешествия, должна обойти вокруг всего земного шара. В этих встречах было нечто возбуждающее, исполненное значения. Каждому новому человеку, которого я встречал, я рассказывал о тех, кого встретил раньше; иногда я уже заранее знал, с кем мне предстоит встретиться. Петербург, Лондон, Париж, Генуя, Каир, Коломбо, Галле,

Мадрас, Бенарес, Калькутта были связаны незримыми нитями общих надежд и ожиданий. И чем больше людей я встречал, тем больше захватывала меня эта сторона путешествия. Из него как бы выросло некое тайное общество, не имеющее ни названия, ни устройства, ни устава, членом которого, однако, тесно связывала общность идей и языка. Я нередко размышлял о том, что сам написал в «Tertium Organum» о людях «новой расы», и мне казалось, что я был недалек от истины, что происходит процесс формирования если не новой расы, то по крайней мере, новой категории людей, для которых имеются иные ценности, чем существующие для всех.

1914–1930 годы

И клялся...
что времени уже не будет.
Апокалипсис, 10: 6

...Чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви,
могли постигнуть со всеми святыми, что — широта
и долгота, и глубина, и высота.

Апостол Павел. Послание к ефесянам, 3: 18

ГЛАВА I

Что мы знаем и чего не знаем? Наши данные и наши искомые. Неизвестные, принимаемые за известные. Материя и движение. К чему приходит позитивная философия? Тождество неизвестных: $x = y$, $y = x$. Что мы действительно знаем? Существование сознания в нас и мира вне нас. Дуализм или монизм? Субъективное и объективное познание. Где лежат причины ощущений? Система Канта. Время и пространство. Кант и «эфир». Замечание Маха. С чем в действительности оперирует физик?

Научись отличать истинное от ложного...

Е. П. Б. Голос Безмолвия

Самое трудное — знать, что мы знаем и чего не знаем.

Поэтому, желая что бы то ни было знать, мы должны прежде всего установить, *что* мы принимаем как данное и *что* считаем требующим определения и доказательства; то есть установить, *что* мы уже знаем — и *что* желаем знать.

По отношению к нашему познанию мира и себя мы находились бы в идеальных условиях, если бы мы могли не принимать как данное *ничего* и считать *все* требующим определения и доказательства; или, иначе говоря, лучше всего было бы предположить, что мы *ничего* не знаем, — и идти от этого.

Но к сожалению, создать такие условия невозможно. Что-нибудь должно быть положено в основу, что-нибудь должно быть признано известным. Иначе нам все время придется определять одно неизвестное посредством другого.

С другой стороны, мы должны опасаться принять как известные, как *данные* вещи в сущности совершенно неизвестные, только предполагаемые, *искомые*. Мы должны опасаться попасть в такое положение, в каком находится позитивная философия, в основу которой долгое время клалось признание существования *материи* (материализм), а теперь кладется признание существования силы или *движения* (энергетизм), хотя в действительности материя и движение всегда были неизвестными, *иксом* и *игреком*, и определялись одно посредством другого.

Всякому совершенно ясно, что нельзя *искомое* принимать за *данное* и нельзя одно неизвестное определять посредством другого неизвестного. В результате не получается ничего, кроме тождества неизвестных, $x = y$, $y = x$.

Именно это *тождество неизвестных* и есть конечный вывод, к которому приходит позитивная философия.

Материя — это есть то, в чем происходят изменения, называемые движением, $x = y$; а движение — это есть те изменения, которые происходят в материи, $y = x$.

Что же мы знаем?

Мы знаем, что на первой же ступени самосознания человеку бросаются в глаза два очевидных факта.

Существование мира, в котором он живет, — и существование сознания в нем самом.

Ни того ни другого человек ни доказать, ни опровергнуть не может, но и то и другое для него *факт, действительность*.

Можно задумываться о взаимоотношении этих двух фактов. Можно стараться свести их к одному — есть рассматривать сознание как часть или функцию мира — и мир как часть или функцию сознания. Но это уже будет отвлечение от фактов, и все такие соображения для обыкновенного, не мудрствующего взгляда на мир и на себя не будут иметь характера очевидности. Наоборот, единственным *очевидным фактом* остается противоположение *я и не-я* — сознания и мира.

В дальнейшем мы будем возвращаться к этому основному положению. Но пока у нас нет никаких оснований возражать против очевидного факта существования нас самих, то есть нашего сознания, — и мира, в котором мы живем. Это мы и должны принять как *данное*.

Но зато это единственное, что мы имеем право принять как *данное*. Все остальное требует доказательства своего существования и определения на основании имеющихся у нас двух данных.

Пространство с его протяженностью; *время* с идеей *прежде, теперь и после*; количество, масса, вещественность; число, равенство, неравенство; тождество и противоречие; причина и следствие; эфир, атомы, электроны, энергия, жизнь, смерть... — все, что кладется в основу обычного знания, — *это все неизвестные*.

Из двух основных данных — существование сознания в нас и мира вне нас — непосредственно вытекает совершенно ясное для нашего обычного сознания разделение всего, что мы знаем, на *субъективное* и *объективное*.

Именно — все то, что мы принимаем как свойства мира, мы называем объективным; а все то, что

мы принимаем как свойства нашего сознания, мы называем субъективным.

Мир субъективного мы познаем *непосредственно*; он в нас; он и мы — это одно.

Мир объективного мы представляем себе существующим как бы вне нас, помимо нас. Он и мы — это разное. Нам кажется, что если мы закрываем глаза, то мир объективного продолжает существовать таким же, каким мы его сейчас видели, и что если погаснет наше сознание, исчезнет наше «я», то мир будет существовать по-прежнему, как существовал тогда, когда нас не было.

Точнее всего определяет наше отношение к объективному миру то, что мы познаем его *во времени и в пространстве*, — и иначе, вне этих условий, ни познать, ни представить себе не можем. Обыкновенно мы говорим, что объективный мир состоит из вещей и явлений, то есть перемен в состоянии вещей. *Явление* существует для нас во времени, *вещь* — в пространстве.

Путем рассуждения мы можем установить, что в действительности мы знаем только свои собственные ощущения, представления и понятия — и мир объективного познаем, проектируя вне себя причины своих ощущений, которые мы у них предполагаем.

Затем мы находим, что наше познание как субъективного, так и объективного мира может быть *истинным* и *ложным*, правильным и неправильным.

Критерием для определения правильности или неправильности нашего познания субъективного мира служит форма отношений одного ощущения к другим и *сила самого ощущения*. Иначе говоря, правильность одного ощущения проверяется сравнением его с дру-

гим, в котором мы более уверены, или *интенсивностью* данного ощущения.

Критерием для определения правильности или неправильности нашего познания объективного мира *служит то же самое*. Нам кажется, что мы определяем вещи и явления объективного мира путем сравнения между собою; и мы думаем, что находим законы их существования *помимо* нас и нашего познания их. Но это иллюзия. О вещах *отдельно от нас* мы ничего не знаем. И никаких других средств для проверки правильности нашего познания объективного мира, *кроме ощущений*, у нас нет.

Вопрос о нашем отношении к истинным причинам наших ощущений с глубокой древности составлял главный предмет философских исканий. Люди всегда должны были иметь какое-нибудь решение этого вопроса, какой-нибудь ответ на него. И эти ответы колебались между двумя полюсами, от полного отрицания самих причин и утверждения, что причины ощущений лежат в нас самих, а не в чем-либо внешнем, до признания того, что мы эти причины знаем, что они заключаются в явлениях внешнего мира, что эти явления и составляют причину ощущений; а причина наблюдаемых явлений заключается в движении «атомов» и в колебаниях «эфира». И что мы не можем наблюдать этих движений и колебаний только потому, что у нас нет достаточно сильных аппаратов, и когда такие аппараты будут, то мы увидим движение атомов так же, как теперь видим в сильные телескопы звезды, самое существование которых раньше не предполагалось.

Для нашего современного познания центральное положение в этой проблеме о причинах ощущений заняла система Канта, не разделяющего ни того ни другого из крайних взглядов и занимающего между ними среднее место. Именно Кант установил, что наши ощущения должны иметь причины во внешнем мире, но что этих причин мы *чувственным путем*, то есть таким образом, каким познаем явления, познать не можем и *никогда не познаем*.

Кант установил, что все, что мы познаем чувственным путем, мы познаем во времени и в пространстве, что вне времени и пространства мы ничего чувственным путем познать не можем, что время и пространство есть необходимые условия чувственного восприятия (то есть восприятия при помощи органов чувств). И главное, он установил, что протяженность в пространстве и бытие во времени не есть свойства вещей, *принадлежащие им*, а только свойства нашего чувственного восприятия, что в действительности, вне нашего чувственного познания их, вещи существуют вне времени и пространства, но что мы никогда не можем ощутить их вне времени и пространства и что, воспринимая вещи и явления чувствами, мы этим самым *налагаем* на них условия времени и пространства как принадлежащую нам форму представления.

Таким образом, пространство и время, определяющие все то, что мы познаем чувственным путем, сами по себе только формы нашего восприятия, категории нашего рассудка, призма, через которую мы смотрим на мир, — или, иначе говоря, пространство и время не представляют собой свойств мира, а только свойства нашего познания мира при помощи органов чувств. Следовательно, мир, пока мы не познаем

его, не имеет протяжения в пространстве и бытия во времени. Эти свойства, которые мы придаем ему.

Представления пространства и времени возникают в *нашем* уме при соприкосновении его с внешним миром, через посредство органов чувств, а не существуют во внешнем мире помимо нашего соприкосновения с ним.

Пространство и время — это *категории рассудка*, то есть свойства, *приписываемые* нами внешнему миру. Это только вехи, знаки, поставленные нами самими, так как без них мы не можем представить себе внешнего мира. Это *графики*, в которых мы рисуем себе мир. Проектируя вне себя причины наших ощущений, мы мысленно (и только мысленно) конструируем эти причины в пространстве — и представляем себе непрерывную действительность в виде ряда следующих один за другим временных моментов. Нам это необходимо, потому что, не имея известного протяжения в пространстве, не занимая известной части пространства и не существуя известное время, вещь для нас совсем не существует. То есть вещь без идеи пространства, не вложенная в пространство, не взятая в категории пространства, ничем не будет отличаться от другой вещи, будет занимать одно с ней место, будет сливаться с ней; а без идеи времени, то есть не вложенное во время, не взятое в том или другом положении с точки зрения *прежде, теперь и после*, все будет для нас происходить как бы сразу, смешиваясь одно с другим, и наш слабый интеллект не будет в состоянии разбираться в бесконечном разнообразии *одного момента*.

Поэтому наше сознание выделяет из хаоса впечатлений отдельные группы, и мы строим в пространст-

ве и во времени представления о предметах, соответствующих этим группам впечатлений.

Нам необходимо как-нибудь разделять вещи, и мы разделяем их по категориям пространства и времени.

Но мы должны помнить, что эти разделения существуют только в нас, в нашем познании вещей, а не в самих вещах, что настоящего отношения вещей друг к другу мы не знаем и настоящих вещей не знаем, знаем только фантомы, призраки вещей — и не знаем, какие отношения существуют между вещами в действительности. В то же время мы совершенно определенно знаем, что *наше* разделение вещей по времени и пространству совершенно не соответствует разделению *вещей в себе*, независимо от нашего восприятия их, — и совершенно определенно знаем, что если между *вещами в себе* существует какое-нибудь разделение, то это ни в каком случае не есть разделение по времени и пространству, потому что последнее есть свойство не вещей, а нашего познания вещей при помощи органов чувств. И мы не знаем, можно ли даже заметить *те разделения, которые видим мы*, то есть по пространству и времени, смотря не человеческими глазами, не с человеческой точки зрения. То есть мы не знаем, не представлял ли бы собою наш мир для иначе устроенного организма совершенно другого вида.

Мы не можем *образно представлять* себе вещи не в категориях пространства и времени, но *мыслим* мы их постоянно вне времени и пространства.

Когда мы говорим *этот стол*, мы представляем себе стол во времени и в пространстве. Но когда мы говорим *предмет, сделанный из дерева*, не подразумевая определенного предмета, а говоря вообще, то это

относится ко всем предметам из дерева во всем мире, во все века. Человек с воображением может сказать, что мы говорим о каком-то *большом предмете* из дерева, который состоит из всех когда-либо существовавших деревянных предметов, представляющих собою как бы его *атомы*.

Мы не особенно ясно отдаем себе в этом отчет, но вообще во времени и в пространстве мы мыслим только представлениями — понятиями мы мыслим уже вне времени и пространства.

Кант называл свои взгляды *трансцендентальным*, или *критическим идеализмом*, отличая его от *догматического идеализма*, представителем которого был Беркли.

Догматический идеализм утверждает, что весь мир, все вещи, то есть истинные причины ощущений, не существуют иначе как в нашем знании — что они *существуют* постольку, поскольку мы их знаем. Весь представляемый нами мир есть только отражение нас самих.

Кантовский идеализм признает существование мира причин вне нас, но утверждает, что мы не можем познать этого мира путем чувственного восприятия — и что все, что мы вообще видим, есть наше собственное создание, «продукт познающего субъекта».

Таким образом, по Канту, все, что мы находим в предметах, вкладывается в них нами самими. Каков мир независимо от нас, мы не знаем. При этом наше представление о вещах не имеет ничего общего с вещами как они есть помимо нас, сами в себе. И главное наше незнание вещей в себе проистекает совсем не от *недостаточного знания*, а от того, что мы совсем не

можем познать мир правильно путем чувственного восприятия. То есть неправильно говорить, что теперь мы знаем еще мало, потом будем знать больше и наконец дойдем до правильного понимания мира. Неправильно потому, что наше опытное знание не есть смутное представление реального мира. Оно есть очень яркое представление совершенно нереального мира, возникающего кругом нас в момент нашего соприкосновения с миром истинных причин, до которого мы не можем добраться, потому что заблудились в нереальном «материальном» мире. Таким образом, расширение объективных знаний нисколько не приближает нас к познанию *вещей в себе* или *истинных причин*.

В «Критике чистого разума» Кант говорит:

Представляемое нами в пространстве не есть вещь сама в себе — и не есть форма вещей, принадлежащая им самим в себе. Предметы сами по себе нам неизвестны, и так называемые внешние предметы суть не более как представления нашего чувственного восприятия, их форма есть пространство, — истинное же соотношение, то есть вещь сама в себе, нам неизвестна и не может быть познана, тем более что в опыте никогда не возникает о ней и вопроса.

Представляемые нами вещи не существуют сами по себе в том виде, в каком мы их представляем, и их соотношения вовсе не таковы, как они являются нам. И если бы мы уничтожили субъективное свойство чувств, то все признаки, все отношения предметов в пространстве и во времени, самое пространство и время тоже уничтожились бы.

Нам остается совершенно неизвестным, что делается с предметами самими в себе независимо от нашего чувственного восприятия. Мы знаем только тот *способ*, каким

мы воспринимаем их. Самое ясное познание явлений (чувственным восприятием) никогда не познакомит нас с вещами в себе.

Думать, что наше чувственное восприятие дает нам смутное представление вещей, что в этом представлении мы выражаем предметы сами в себе и только смешиваем при этом признаки и частные представления, которых ясно определить не можем, — значит обезображивать понятия о чувственном восприятии и явлениях, которые при таком взгляде становятся совершенно бесплодными.

Различие ясного и неясного представления имеет только логическое значение и не касается самого содержания.

Положения Канта остались до настоящего времени почти в таком же виде, в каком их оставил Кант. Несмотря на обилие новых философских систем, появлявшихся в течение XIX столетия, и несмотря на обилие философов, специально занимавшихся комментированием и толкованием сочинений Канта, — главные положения Канта остались совершенно неразработанными.

Между тем Кант, в сущности, только поставил вопрос, бросил миру проблему, требующую разрешения, и пути к ее разрешению не указал.

Это обыкновенно упускают из виду, говоря о Канте. Кант указал на загадку, но разрешения ее не дал.

И до сих пор мы повторяем положения Канта, считаем их неизбежными, но, в сущности, очень плохо представляем себе, что они значат. И они не связаны с другими областями нашего знания. *Вся наша позитивная наука — физика (с химией) и биология — построена на гипотезах, противоречащих положениям Канта.*

И мы не знаем, каким образом мы сами налагаем на мир свойства пространства, то есть протяженность; не знаем, каким образом мир — земля, море, деревья, люди — может не обладать этой протяженностью.

Мы не знаем, каким образом можем мы видеть и *измерять* эту протяженность, *если ее нет*, — и что представляет собой мир, если он не обладает протяженностью.

И существует ли мир на самом деле? Или как логический вывод из идей Канта мы должны признать идею Беркли и отрицать самое существование мира, кроме как в нашем воображении?

Позитивная философия очень странно относится ко взглядам Канта. Она и принимает их, и не принимает. Именно принимает и считает верными по отношению к непосредственному опыту органов чувств, по отношению к тому, что мы видим, слышим, осязаем и пр. То есть позитивная философия признает субъективность наших восприятий и признает, что все, что мы воспринимаем в предметах, вкладывается в них нами самими. Но это только по отношению к непосредственному опыту органов чувств.

Что касается «научного опыта», пользующегося точными аппаратами и вычислениями, то позитивная философия, по-видимому, считает по отношению к нему взгляд Канта неверным и полагает, что «научный опыт» знакомит нас с самой сущностью вещей, с истинными причинами наших ощущений — или если не знакомит сейчас, то приближает к этому и может познакомить впоследствии.